

ГЛАВА ДЕВЯНОСТО ТРЕТЬЯ,

из которой читатель узнает о том, как был создан сад для сирот и одиноких, и о том, как царь — правитель страны Зарослей небесного бамбука встретился с женихом своей дочери

Когда с любовью в прошлое ты смотришь,
Со дна его встают воспоминанья,
Но если сожалеешь ты о прошлом,
Ты навлечешь лишь новые страданья
Когда душа очнулась и прозрела,
Три башни строить нам уже не надо.
Окончишь подвиг свой, и возвращенье
В первоначальный мир — твоя награда.
Захочешь ли ты быть подобным Будде,
Иль стать отшельником, познав бессмертье, —
Любовью и смирением ты должен
Изгнать и зависть и жестокосердье.
Очисти себя от всей житейской скверны,
Которой мы всю жизнь живем и дышим,
И лишь тогда душой перерожденной
Ты навсегда сольешься с Небом высшим.

Итак, когда наступил рассвет, монахи, заметив исчезновение Танского наставника и его учеников, растерянно воскликнули: «Как же это мы упустили живых бодисатв? Видно, не сумели уговорить их побыть с нами еще немного, даже не простились с ними как следует, не попросили их ни о чем». Пока они сетовали на себя, в монастырь явились посланцы от богатых семей, живущих за южной заставой, просить Танского наставника пожаловать к ним в гости. Монахи, всплеснув руками, огорченно сказали им:

— Вчера вечером мы недоглядели, и ночью они все умчались на своих облаках! Все присутствующие при этих словах невольно обратили взоры к небу и начали совершать благодарственные поклоны.

Молва об этом происшествии быстро облетела весь город, и вскоре о нем уже знали все начальники, чиновники и должностные лица. Богатым семьям было велено устроить щедрое жертвоприношение из разных яств в молельнях, выстроенных в честь Танского монаха и его

учеников, дабы выразить признательность за оказанное благодеяние, но об этом мы рассказывать не будем.

Вернемся к Сюань-цзану и его спутникам, которые шли, нигде не останавливаясь, и, как говорится, ели под ветром и спали под дождем. Дорога была ровная, спокойная, и путники благополучно шли уже более двух недель без всяких приключений. Но вот в один прекрасный день они вновь увидели перед собой высокую гору. Танского монаха, как всегда, обуял страх, и он с тревогой обратился к Сунь У-куну.

— Посмотри, братец, какая неприступная гора вздымается впереди. Надо быть поосторожнее!

— Да что ты! — рассмеялся Сунь У-кун. — Полно трусить, наставник! Мы приближаемся к райской обители Будды. Ручаюсь, что здесь нет ни дьяволов, ни оборотней. Оставь свои заботы и печали!

— Братец мой, хоть ты и говоришь, что отсюда недалеко до райской обители Будды, — возразил Танский наставник, — но ведь еще третьего дня монахи сказали нам, что до столицы страны Зарослей небесного бамбука еще две тысячи ли, а сколько нам идти до обители Будды — неизвестно.

— Наставник! — полусхотел сказал Сунь У-кун. — Уж не забыл ли ты сутру «О сердце», составленную великомудрым наставником созерцания У Чао?

— Эту сутру я всегда ношу при себе, подобно облачению и патре, — обиженно ответил Танский наставник. — Был ли такой день, когда бы я не читал ее наизусть, или такой час, когда бы я забывал о ней, начиная с того времени, когда меня обучил сам великомудрый У Чао?! Как же ты можешь говорить, что я забыл ее? Да я могу прочесть ее наизусть с начала до конца и с конца до начала!

— Не спорю, что ты можешь прочесть ее всю наизусть, — не унимался Сунь У-кун, — но ведь ты, наверное, ни разу не просил того великомудрого наставника объяснить сокровенный смысл ее.

— Ах ты, обезьянья морда! — вспыхнул Танский наставник. — Откуда ты взял, что я не знаю ее истинного смысла? А ты сам знаешь?

— Да, я знаю и могу объяснить ее!

После этих слов Танский наставник и Сунь У-кун сразу умолкли и погрузились в молчание.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн расхохотались и стали подтрунивать над Сунь У-куном.

— Морда ты этакая! — сказал Чжу Ба-цзе. — Да ты ведь тоже из породы оборотней, как и я! У

какого же праведника ты учился толкованию священных книг? Какой монах рассказывал тебе о законе Будды? Что ты корчишь из себя, пустая голова? Смеешь еще бахвалиться: «Знаю! Могу!». Чего же теперь замолчал? Объясняй, мы слушаем!

— Да неужто ты поверил ему? — заливаясь хохотом, проговорил Ша-сэн. — Просто старший братец заговаривает зубы нашему наставнику, чтобы он не останавливался в пути. Он умеет лишь одно: орудовать своим посохом, вот и все. Где уж ему толковать священные книги!

— У-нэн, У-цзин! — вскричал Танский наставник. — Прекратите ваши глупые шутки. Сунь У-кун понимает сокровенный смысл священных книг, а это и есть истинное толкование.

Беседуя и споря, наставник и его ученики незаметно прошли довольно большой отрезок пути, перешли через несколько горных перевалов и увидели в стороне от дороги большой монастырь.

— Гляди-ка, У-кун! Монастырь! — обрадовался Танский наставник. — Да какой красивый! — и он тут же стал слагать стихи:

Он и не велик, но и не мал,
Бирюзовой, яркою глазурью
Крыша черепичная блестит.
Он уже не нов, но и не стар,
Красных стен его зубчатый гребень
Тоже черепицею покрыт.
Тень от сосен, строгих и седых,
На его узорчатые кровли
Стелет голубую полутьму.
Сотни лет, красуясь, он стоит,
Но когда он был в горах воздвигнут,
Больше неизвестно никому.
Словно струны тихие звенят —
То журчит, ручьем с горы сбега,
Чистая, прохладная вода.
Славен этот горный монастырь,
Но его строителей премудрых

Имена забыты навсегда.

Четкие, большие письма —

«Монастырь святого созерцанья» —

У ворот распахнутых видны.

А подальше, на резной доске,

Можно видеть и другую надпись:

«Памятник глубокой старины».

Над входом красовалась надпись: «Монастырь для сирот и одиноких, усталый золотом». Чжу Ба-цзе даже прочел ее вслух. Сидя верхом на коне, Танский монах глубоко задумался. Губы его шевелились, и он чуть слышно повторял: «Усталый золотом... усталый золотом... Неужели мы уже вступили в пределы княжества Шравасты?».

— Наставник! — прервал его мысли Чжу Ба-цзе. — Я столько лет сопровождаю тебя, но никогда не замечал, чтобы ты узнавал дорогу. А эта дорога тебе разве знакома?

— Нет, не знакома, — отвечал Танский монах, — но в священных книгах и сборниках песнопений я читал о том, что Будда любит проводить время в саду для сирых, который находится близ города Шравасты. Там он гуляет под тенью священных деревьев. Говорят, что этот сад купил у наследного сына правителя княжества Шравасты некий богатый купец, прозванный главным попечителем сирых и одиноких, и пригласил Будду читать и толковать священные книги в этом саду. Наследник не сразу продал свой сад. Он сказал: «Мой сад не продается! Я продам его только в том случае, если купец устелит его сплошь слитками золота!» Купец услышал об этом, изготовил кирпичики из золота и выложил ими все дорожки сада. После этого он купил этот сад и, таким образом, получил возможность пригласить почтенного владыку — Будду проповедовать там свое учение. Вот я и думаю, что не в честь ли этого события назван так монастырь и не в этом ли саду он построен?

— Вот счастье, — засмеялся Чжу Ба-цзе, представив себе столь невероятное богатство. — Если все, что вы говорите, правда, то, может быть, нам удастся взять хоть несколько золотых кирпичиков и подарить их людям!

Они поболтали немного, после чего Танский наставник слез с коня и направился к воротам монастыря.

Войдя внутрь, путники были ошеломлены необычайной сутолокой, царившей в монастырском дворе: одни бегали с коромыслами, другие таскали узлы на спине, кто вез тачку, а кто чинно сидел в повозке. Некоторые спали прямо на земле или о чем-то горячо толковали. При виде внезапно появившихся путников — благообразного монаха и уродливых учеников его — люди испугались, расступились и дали им пройти. Танский наставник, опасаясь, что к его спутникам станут привязываться и произойдет ссора, неустанно твердил им: «Ведите себя пристойнее!». Но они и без того держались очень скромно. Завернув за храм Хранителей Будды, наши

путники увидели монаха, который степенно вышел к ним. Вот как он выглядел:

Открытый лик его
Невозмутим и строг,
И ясен, как луна
В разгаре летней жатвы.
Хоть и немолод он,
Но строен и высок,
И крепок стан его,
Как Древо бодисатвы.
Он с посохом в руке,
А вышитый рукав
Вздувает ветерок
Легко и шаловливо.
В плетеных туфлях он,
Суров и величав,
По плитам каменным
Идет неторопливо.

Танский наставник вежливо поздоровался с монахом. Тот поспешил ответить учтивым поклоном и спросил:

— Откуда изволил пожаловать, почтенный наставник?

Прежде чем ответить, Танский монах решил представиться.

— Фамилия моя Чэнь, а зовут меня Сюань-цзан, — сказал он.

— Я получил повеление Танского государя отправиться на Запад к Будде, поклониться ему и испросить у него священные книги. Проходя мимо вашего благодатного места, я счел своим долгом зайти и представиться, а также попроситься на ночлег, всего на одну ночь. Завтра я отправлюсь дальше.

— У нас здесь постоянно останавливаются путники из разных мест, — ответил монах. — Мы предоставляем им все, что может радовать странников. Тем более мы будем счастливы принять тебя, благочинного наставника из восточных земель, и постараемся услужить всем, чем можем.

Танский наставник поблагодарил за радушие, позвал своих учеников, и они вместе пошли по благоухающей фимиамом длинной галерее в келью настоятеля. Когда церемония взаимных поклонов была окончена, гости и хозяева расселись. Ученики Танского наставника почтительно сидели, опустив руки.

К этому времени весь монастырь уже узнал о прибытии праведных монахов из великого Танского государства, посланных за священными книгами. В келью настоятеля набились монахи без различия сана и звания, постоянные обитатели и временные постояльцы, благочестивые старцы и юные послушники — все явились поглядеть на прибывших.

Сразу же после чаепития был накрыт стол. Пока Танский наставник читал молитву «гата», Чжу Ба-цзе ерзал от нетерпения, и сразу же, как только приступил к еде, проглотил в один присест все хлебцы, испеченные на пару, постные блюда и суп.

К этому времени в келью настоятеля набилось еще больше народу. Знающие и понятливые восхищались благовоспитанностью и благообразием Танского монаха, шутники и балагуры потешались над Чжу Ба-цзе, уплетавшим за обе щеки. Ша-сэнь заметил это, опустил голову и незаметно ущипнул Чжу Ба-цзе, прошептав: «Веди себя пристойнее!». Но тот так торопился наесться, что обо всем забыл, и громко крикнул: «Да что ты пристал ко мне: пристойно, пристойно, когда в животе совсем пусто?».

— Ты не понял меня, братец! — рассмеялся Ша-сэнь. — У всех «благопристойных» на всем свете были такие же пустые животы, как у нас с тобой!

Это подействовало на Чжу Ба-цзе, и он умерил свой аппетит.

По окончании трапезы Танский монах прочел положенную молитву, поблагодарил за угощение, и все покинули свои места. Монахи попросили Сюань-цзана рассказать о возникновении восточных земель. Танский наставник выполнил их просьбу, а дойдя до самых древних времен, в свою очередь спросил, откуда получил свое название этот монастырь. Тот самый монах, который встречал путников, ответил ему:

— Вначале здесь был монастырь для сирот и одиноких княжества Шравасты, — сказал он. — Его называли также Сад покоя. Но так как основатель монастыря, он же попечитель сирот и одиноких, пригласил Будду в сад толковать священные книги и ради этого устлал его золотыми кирпичиками, название монастыря изменилось на нынешнее. Перед нашим монастырем расположен главный город княжества Шравасты, в котором в те времена жил его основатель, а эта гора принадлежала ему и на ней он разбил Сад покоя. Вот откуда и взялось название «Монастырь для сирот и одиноких, устланный золотом». Позади монастыря кое-где до сих пор еще сохранились следы этого сада. Некоторые счастливицы не так давно находили там золото и

драгоценности, особенно в размытой почве после проливных дождей.

— Значит, все, что рассказывали про этот сад, сущая правда! — задумчиво произнес Сюань-цзан и обратился с вопросом к монаху: — Не скажешь ли ты, уважаемый отец, почему здесь столько постояльцев? Как только мы вошли в ворота, то сразу же увидели во дворе, под навесами, множество купцов с мулами, лошадьми, повозками и носилками.

— Дело в том, что эта гора, ныне прозванная Стоножкой, прежде отличалась тишиной и покоем, но с недавних пор на ней завелись стоножки-оборотни, я не знаю, то ли из-за перемены погоды, то ли по каким-то другим причинам, — ответил монах. — Они вылезают на дорогу и жалят прохожих. Эти стоножки пока что, слава богу, еще никого не загубили насмерть, но путники все же опасаются переходить через гору. Под самой горой, внизу, находится застава под названием Петушиный крик. Как только там начинают петь петухи, путники могут смело переходить через гору. Вы видели тех постояльцев, которые запоздали, побоялись неприятной встречи со стоножками и предпочли остановиться у нас на ночлег; на рассвете, когда пропоют петухи, они отправятся в путь.

— Тогда и мы тоже дождемся петухов, — сказал Сюань-цзан.

Пока шла беседа, снова подали еду.

В это время взошла луна.

Сюань-цзан с Сунь У-куном отправились полюбоваться видами при лунном свете. Вдруг к ним подошел служитель монастыря и сказал:

— Наш преподобный настоятель желает повидаться с тобой, жителем Серединного цветущего государства.

Сюань-цзан поспешно обернулся и увидел, что навстречу ему идет пожилой монах с бамбуковым посохом в руке. Танский монах шагнул вперед и совершил приветственный поклон.

— Должно быть, ты и есть почтенный наставник, прибывший из Серединного цветущего государства? — вежливо спросил он. Сюань-цзан ответил на поклон как положено и скромно промолвил:

— Это я, недостойный...

Настоятель монастыря начал рассыпаться в любезностях.

— Сколь велик твой возраст, уважаемый наставник? — спросил он.

— Живу на свете зря и попусту вот уже сорок пять лет, — учтиво отвечал Сюань-цзан и в свою очередь спросил не менее церемонно: — Дозволь и мне узнать о твоих высоких летах, достопочтенный владыка.

Настоятель монастыря усмехнулся.

— Я старше тебя на шестьдесят лет, но, увы, ума так и не набрался, — с легкой иронией ответил он.

— Значит тебе в этом году исполнилось сто пять лет, — вмешался Сунь У-кун. — А как по-твоему, сколько мне лет?

— Ты хоть и ученик уважаемого наставника, но лицо у тебя чересчур диковинное, — произнес старец, вглядываясь в Сунь У-куна. — Мои глаза плохо видят, тем более при лунном свете, так что я не могу сказать, сколько тебе лет.

Продолжая беседовать, они подошли к задней стене монастыря.

— Мне только что рассказали о том, что за монастырем кое-где еще сохранились следы Сада для сирот и одиноких, — сказал Сюань-цзан. — Где же они?

— Здесь, за воротами заднего двора, — ответил настоятель и велел тотчас же открыть задние ворота. За ними оказался большой пустырь, лишь кое-где виднелись разрушенные цоколи каменных стен и заборов.

Танский наставник молитвенно сложил руки, печально вздохнул и прочел стихи:

Как подумаешь, сколько сандалов

Здесь когда-то душистых вздымалось,

Сколько душ одиноких и сирых

Золотой талисман исцелил!

Сад покоя стоял здесь когда-то,

Но одно лишь название осталось.

Где ж его основатель великий,

Что с архатами прежде дружил?

Танский монах и его спутники медленно прогуливались, любуясь лунным сиянием. Они вышли из задних ворот монастыря, взошли на террасу и только было расположились на ней, как до их

слуха донесся чей-то плач. Сюань-цзан прислушался: кто-то жаловался, взывая к родителям. Комок подступил к горлу сердобольного наставника, и слезы закапали из глаз.

— Кто это так горько плачет? — спросил он сквозь слезы, обернувшись к монахам, сопровождавшим его. — Откуда этот плач?

Настоятель монастыря ответил не сразу. Он велел всем своим монахам удалиться и приготовить чай. Когда он убедился, что вблизи никого нет, он низко поклонился Сюань-цзану и Сунь У-куну.

— Что ты, владыка? — воскликнул Сюань-цзан. — За что воздаешь нам такие почести?

— Мне уже больше ста лет, и я кое-чему научился за свой век, — отвечал настоятель. — В часы блаженного созерцания мне не раз приходилось видеть знамения, и я кое-что знаю о тебе, уважаемый наставник, и о твоих учениках: вы — не простые смертные. Только твой ученик может понять истинную причину этого плача.

— Да говори, в чем дело! — нетерпеливо перебил его Сунь У-кун.

— Много лет тому назад, в этот же день, я наблюдал сияние луны, вникая в ее природу. Вдруг зашелестел порыв ветра, и я услышал этот же горестный, скорбный плач. Я сошел со своего монашеского ложа и направился в Сад покоя к развалинам. Там я увидел деву замечательной красоты, весьма благопристойную на вид. Я спросил ее: «Чья ты дочь? Как попала сюда и зачем?». Она ответила мне: «Я царица, дочь правителя страны Зарослей небесного бамбука. Мне захотелось полюбоваться цветами при лунном свете, и я вышла погулять, а порыв ветра унес меня сюда!». Тогда я отвел ее в пустое помещение, запер там, обложил помещение каменными стенами, наподобие темницы, а в дверях проделал небольшое отверстие, через которое можно было просунуть только плошку с едой. В тот же день я сообщил монахам, что поймал оборотня, связал его и запер. Монахи мои, люди жалостливые, не могли допустить, чтобы дева погибла, и каждый день приносили ей еду и питье. Так она и живет здесь по сей день. Надо вам сказать, что дева эта оказалась очень смысленной: она сразу же поняла, почему я заточил ее. Опасаясь, что кто-нибудь из монахов все же осквернит ее тело, она притворилась сумасшедшей и чудит: лежит и спит там же, где отправляет свои естественные надобности. Днем она несет всякую чушь или сидит, тупо уставившись в одну точку, а когда наступает ночь и воцаряется тишина, мысль о родителях овладевает ею, и она начинает плакать. Много раз я ходил в город, узнавал про царицу, но мне говорили, что та жива и здорова. Вот почему я и не выпускаю эту деву и все время держу ее на запоре. К великому счастью, ныне ты, уважаемый наставник, прибыл в нашу страну, и я возлагаю на тебя все свои надежды. Прошу тебя, когда будешь в столице нашей страны, прояви свои волшебные силы, проникни в эту тайну. Тем самым ты, во-первых, спасешь из беды доброе и невинное существо; во-вторых, покажешь свое волшебство.

Танский наставник и Сунь У-кун крепко запомнили все, что сказал им настоятель.

Пока они разговаривали, подошли два послушника звать к чаю, и все вернулись в монастырь.

Чжу Ба-цзе и Ша-сэн, которые находились в келье настоятеля, все время ворчали.

— Завтра с петухами надо отправляться в путь, а их все нет!

— Ну-ка, повтори, что ты сказал? — набросился Сунь У-кун на Чжу Ба-цзе, входя в келью.

— Ложись-ка лучше спать, — отвечал тот, — нашел время любоваться природой!

Настоятель поспешил покинуть их, а Танский наставник сразу же лег в постель.

Ночь была поистине прекрасна. Вот послушайте:

Смолкли люди в домах,
И луна в небесах потонула,
И в глубокой дремоте
Устало притихли цветы.
Теплым ветром в окошко
Сквозь занавес легкий дохнуло,
Все уснуло, лишь звезды
На землю глядят с высоты.
А из медных сосудов
Вода равномерно сочится,
Вот уж третий сосуд
Постепенно, по капле, иссяк.
Млечный Путь серебром
Отражается на черепице —
Это кровли кумирен
Блестят сквозь полуночный мрак.

Вскоре после того как наши путники уснули, запели петухи. Проезжие купцы поднялись, начали шумно собираться в дорогу, зажгли фонари и принялись готовить пищу. Наш наставник тоже проснулся, разбудил Чжу Ба-цзе и Ша-сэна, велел им оседлать коня и собрать вещи. Сунь У-кун позвал служку и велел ему зажечь фонари. Монахи монастыря уже успели приготовить

чай и разную еду. Они расположились на заднем дворе и почтительно ожидали Танского наставника. Чжу Ба-цзе на радостях съел целое блюдо хлебцев, подхватил поклажу и вывел коня. Сюань-цзан и Сунь У-кун поблагодарили монахов за радушие и распрощались с ними. Напутствуя Сунь У-куна, настоятель монастыря шепнул ему: «Помни, помни, что я рассказал тебе о страданиях девушки!».

— Не забуду, почтеннейший! — улыбаясь, ответил ему Сунь У-кун. — Как только мы прибудем в столицу, я сразу же узнаю обо всем. Мне достаточно поглядеть на царевну, чтобы определить, кто она на самом деле!

Проезжие купцы с шумом и криками отправились вместе с нашими путниками и вышли на большую дорогу. Когда они проходили заставу Петушиный крик уже наступил час инь, и только к часу сы они увидели стены столичного города.

Какие же неприступные у него были стены, словно железные! А какие блестящие крыши, будто золотые! Поистине можно было подумать, что здесь находятся Небесные дворцы Священной земли.

Высоко расположен город -

Сверкая, как цветной кристалл,

Он, величавый и нарядный,

На неприступных кручах встал.

Пестрей, чем чешуя цилиня

Иль оперение жар-птиц,

Блестят богатые хоромы

И кровли расписных светлиц.

Внизу медлительные воды

Во рвах струятся крепостных,

Кольцом текучим опоясав

Громады стен сторожевых.

Стоит счастливый, светлый город,

Пестрея на крутой горе,

И сотни разноцветных флагов

Играют в утренней заре.

В лучах рассвета, как живые,

Переливаясь и горя,
Знамена реют вдоль дороги,
Ведущей ко дворцу царя,
А вешний ветер, легкий ветер
Доносит флейт веселый зов
И мерный рокот барабанов
До разукрашенных мостов.
Да, по одеждам и по шляпам,
По мирным лицам горожан
Увидишь сразу: здесь народу
Властитель благосклонный дан.
А житницы переполняет
Зерна рассыпчатый янтарь,
И это тоже значит: правит
Страной достойный государь.

В тот же день путники вошли в восточную часть города. Купцы разбрелись по гостиницам и постоялым дворам. Танский наставник со своими учениками остановился на постоялом дворе почтовой станции. Служащие немедленно доложили о прибывших смотрителю станции.

— Какие-то весьма странные на вид монахи зашли к нам во двор, — сказали они, — их четверо и с ними белый конь.

Услышав о том, что есть конь, смотритель станции решил, что приезжие прибыли с казенным поручением, а потому сам вышел в приемную встретить их.

Танский монах поклонился ему и сказал:

— Я — бедный монах, иду по велению великого Танского императора на чудесную гору Линшань в храм Раскатов грома поклониться Будде и испросить у него священные книги. Имею при себе подорожное свидетельство, которое должен предъявить вашему государю, а пока что прошу вас позволить переночевать здесь. Как только побываю у твоего правителя и получу позволение, так сейчас же двинусь дальше.

Смотритель станции вежливо поклонился в ответ и сказал:

— Наш двор как раз предназначен для посланцев и гонцов. Сочту своим долгом оказать тебе должный прием. Входи, пожалуйста!

Обрадованный Сюань-цзан позвал своих учеников и представил их смотрителю станции. Тот пришел в ужас при виде безобразных физиономий и никак не мог понять: то ли это люди, то ли чудовища. Дрожа от страха, он велел приготовить чай и еду.

— Не бойся, — сказал Танский наставник, заметив, как испугался смотритель, — мои ученики хоть и безобразны на вид, но сердца у них добрые. Не зря говорят: кто лицом безобразен, тот добр душой. Что же ты так испугался?

После этих слов смотритель немного успокоился.

— Скажи мне, наставник, в какой стороне находится Танское государство? — с важностью спросил он.

— В цветущих срединных землях великого южного материка Наньшаньчжоу, — отвечал Сюань-цзан.

— Когда же ты покинул свое государство?

— В тринадцатом году правления Чжэньгуань, то есть четырнадцать лет назад. Сколько страданий пришлось нам вынести за это время! Сколько рек и гор перейти!

— Вот уж воистину праведный монах! — воскликнул смотритель, потрясенный словами Танского наставника.

— А как давно существует ваше высокоуважаемое государство? — спросил Танский наставник, в свою очередь тоже проявляя изысканность в речи.

— Наша страна слишком ничтожна, чтобы так возвеличивать ее, — учтиво ответил смотритель станции, — она называется страна Зарослей небесного бамбука. Считая со дня ее основания великим предком и его августейшим сыном-наследником и до нынешних дней, уже прошло более пятисот лет. Нынешний правитель очень любит горы, воды, растения и цветы. Его величают император И-цзун, а годы его правления называют эрой Установления покоя. Он царствует вот уже двадцать восемь лет.

— Смогу ли я побывать на приеме у вашего правителя и получить пропуск, если отправлюсь во дворец сегодня же? — робко спросил Танский наставник.

— Конечно! Конечно! — обрадовался смотритель станции. — Сегодня это будет весьма кстати! — добавил он. — Недавно нашей царевне исполнилось двадцать лет. На главном перекрестке уже сооружена разрисованная башенка, с которой она будет кидать свой расшитый мячик,

чтобы выбрать себе жениха по воле Неба. На кого мячик упадет, тот и будет ее женихом. Сейчас, должно быть, самый разгар народного гулянья, и я думаю, что наш правитель пока еще во дворце. Ступай сейчас же, если хочешь получить пропуск!

Танский наставник хотел тотчас же отправиться, но в это время подали еду, и он остался.

Прошел полдень.

— Ну, я пойду, — сказал Танский наставник.

— И я с тобой! — отозвался Сунь У-кун. — Буду охранять тебя!

— Нет, я пойду! — вызвался Чжу Ба-цзе.

— Да полно тебе! — остановил его Ша-сэн. — С такой мордой тебя не пропустят во дворец, как бы ты ни пыжился. Пусть лучше пойдет старший братец, Сунь У-кун.

— У-цзин правильно говорит, — сказал Танский наставник. — Наш дурачок очень груб и невежлив, У-кун все же воспитаннее.

Чжу Ба-цзе надулся, вытянул рыло и недовольно пробормотал:

— Кроме наставника, все мы красавцы, один другого лучше.

Танский монах облачился в свои монашеские одежды, Сунь У-кун взял суму, в которой была спрятана подорожная, и они отправились.

Улицы были запружены разного рода людом: тут были и служилые, и земледельцы, и ремесленники, и торговцы, ученые люди и деревенские простаки. Среди шума и гама можно было разобрать отдельные фразы; почти все кричали: «Идемте смотреть, как будут кидать разноцветный мячик!».

Танский наставник отошел в сторону и, глядя на толпу, выражал свое изумление:

— Здесь одеваются так же, как у нас. И дворцы и дома такие же; утварь тоже; да и говорят они на таком же языке, как в великом Танском государстве... Помнится мне, что и моя покойная матушка, испытывая судьбу и выбирая себе жениха, тоже бросала мячик. Значит, и здесь существует такой обычай!

— А что, если мы посмотрим, как царица бросает мячик? — спросил Сунь У-кун.

— Нельзя! Нельзя! У нас с тобой одеяние не подходящее. Чего доброго заподозрят в чем-либо!
— заартачился наставник.

— Ты, видно, забыл, что рассказал тебе настоятель монастыря для сирот и одиноких, — с укором произнес Сунь У-кун. — Во-первых, посмотрим на расписную башенку, а во-вторых, посмотрим на царевну, попытаемся отличить истинное от ложного. Правитель безусловно ждет радостной вести от нее и вряд ли станет сейчас заниматься делами. Посмотри, что делается на улицах! Пойдем, сходим и сейчас же вернемся!

Сюань-цзан послушался и последовал за Сунь У-куном.

Огромная толпа людей во все глаза смотрела, как царевна будет кидать разноцветный мячик.

Увы! Кто мог знать, что рыбак, закинувший леску крючком, на этот раз выловит не рыбку, а беду на свою голову.

Скажем теперь несколько слов о правителе страны Зарослей небесного бамбука. Он очень любил природу, растения и цветы. И вот в позапрошлом году провел почти всю ночь с царицей и царевной в дворцовом саду, любуясь цветами при лунном сиянии. Какой-то оборотень заметил их, похитил царевну, а сам принял ее облик. Узнав, что Танский монах в этом году, в данном месяце, в данный день, в данный час, прибудет в столицу, оборотень потребовал, чтобы ему выстроили расписную башенку. Он возымел желание посягнуть на непорочную силу Ян благочестивого Танского монаха, дабы обратиться в бессмертного небожителя. И вот, как раз в третью кэ после полудня, когда Танский монах вместе с Сунь У-куном затесался в толпу и приблизился к расписной башенке, мнимая царевна, держа в руках зажженные свечи, от которых струился благовонный дым, вознесла молитву к духам Неба и Земли. По обеим сторонам от нее стояли напomaженные и напудренные девы в роскошных одеждах. Их было несколько десятков. Приближенные подали царевне матерчатый мячик, расшитый цветами. У башенки, построенной восьмиугольником, было восемь больших окон с узорчатыми рамами. Царевна повела глазами во все стороны, заметила, что Танский монах подошел очень близко, взяла в руки мячик и бросила его прямо на голову Сюань-цзану. Тот сильно испугался. Его головной убор от удара съехал набок. Сюань-цзан хотел схватить мяч, но тот закатился ему в рукав. С башенки послышались возгласы: «Мяч попал в монаха! Мяч попал в монаха!».

Началась давка. Купцы и приезжие с воплями и криками бросились к Танскому монаху, чтобы вырвать у него мячик.

Сунь У-куну пришлось рявкнуть во всю глотку и оскалить зубы. Выгнув спину раза два, он тотчас превратился в грозного великана, ростом в три чжана и соорудил такую страшную рожу, что все в страхе попадали на землю и стали ползком пятиться от него. Никто не осмелился приблизиться к Сунь У-куну. Вскоре все разбежались. Тогда Сунь У-кун вновь принял свой прежний вид. С башенки сбежали разукрашенные девы и прислужницы, вместе с придворными евнухами старших и младших рангов. Все они совершили земной поклон перед Танским монахом.

— О знатный гость, знатный гость! — заговорили они. — Просим пожаловать во дворец, где тебя будут чествовать!

Танский монах поспешно поклонился в ответ, поднял склонившихся перед ним придворных и, обернувшись к Сунь У-куну, с нескрываемой досадой произнес:

— Ах ты, мартышка! Опять из-за тебя неприятности!

— Причем тут я? — засмеялся Сунь У-кун. — Мячик попал тебе в голову и закатился тебе в рукав. Чего ты обижаешься на меня?

— Ну как теперь быть?

— Не волнуйся, — беззаботно ответил Сунь У-кун, — ступай во дворец и повидайся с государем, а я вернусь в заезжий дом, расскажу о случившемся Чжу Ба-цзе и Ша-сэну и буду ждать тебя. Если царевна откажется выйти за тебя замуж, на этом все и кончится, ты получишь пропуск, и мы сможем отправиться дальше. Но, если она непременно пожелает стать твоей супругой, скажи правителю так: «Призови сюда моих учеников, я хочу дать им кое-какие наставления». Когда нас вызовут во дворец, я хорошенько рассмотрю царевну и узнаю, оборотень она или нет. Вот тебе замысел, который называется «Покорение оборотня с помощью сватовства!».

Танский монах скрепя сердце последовал совету Сунь У-куна, а тот повернулся и пошел на почтовую станцию.

Дворцовые прислужницы окружили Танского наставника и подвели его к башенке. Царевна спустилась вниз и своими очаровательными ручками, белыми, как нефрит, поддерживая Сюань-цзана, усадила его рядом с собой в дворцовую колесницу. Свита окружила их, и поезд царевны вернулся во дворец. Еще до их прибытия ко дворцу привратники-евнухи уже успели доложить государю.

— О великий государь, десять тысяч лет тебе здравствовать! — молвили они. — Царевна едет сюда с каким-то монахом, которого она сама усадила в колесницу. Должно быть в него попал мячик. Они подъезжают к главным воротам дворца. Ждем твоих распоряжений!

Государь был весьма опечален и раздосадован полученным известием. Ему очень хотелось прогнать неизвестного монаха, но он не знал намерений царевны, а потому был вынужден скрыть свои чувства, и приказал пропустить их к себе. Царевна и Танский монах вошли в тронный зал, увешанный золотыми колокольцами. Вот уж поистине прямо про них сказано стихами:

Хвалу и здравицу в честь государя

Прекрасная чета провозгласила, —

Так пожелали многих лет здоровья

Ему и добрая и злая сила.

Как только была закончена церемония приветствий, государь приказал вошедшим подняться на тронное возвышение и начал расспрашивать Танского монаха.

— Откуда ты прибыл, праведный человек? Как случилось, что мячик, брошенный нашей любимой дочерью, вдруг попал в тебя?

Танский монах повалился ему в ноги.

— Я — бедный монах, послан за священными книгами великим императором Танского государства, расположенного на южном материке Наньшаньчжоу, — сказал он. — Мне велено прибыть на Запад, в храм Раскатов грома, поклониться Будде и испросить у него священные книги. У меня есть при себе подорожная, и я пошел во дворец лишь за тем, чтоб представиться тебе, государь, и получить пропуск. Когда я проходил по перекрестку мимо разукрашенной башенки, твоя царевна кинула мячик, который попал мне в голову. Но я ведь монах и исповедую вероучение, воспрещающее брачную жизнь людям, отрешившимся от мирской суеты. Как же я осмелюсь даже помыслить о том, чтобы составить пару твоей прелестной дочери? Молю тебя, государь, простить мне мой смертный грех. Выдай мне пропуск, чтобы я смог поскорей прибыть на чудесную гору Линшань, поклониться Будде, испросить у него священные книги и вернуться к себе на родину. Я буду вечно помнить и благодарить тебя, государь, за твою высочайшую милость!

— Так вот оно что! — воскликнул государь. — Значит, ты праведный монах из восточных земель! Не зря говорится: «Судьба соединяет людей брачными узами даже если они находятся за тысячи ли друг от друга». В нынешнем году моей дочери-царевне минуло двадцать лет, но она еще не просватана. Согласно гаданию, сегодняшний день, по году, месяцу и числу, самый подходящий для выбора жениха, поэтому царевне выстроили расписную башенку и сшили разноцветный мячик, дабы с его помощью она нашла себе достойную пару. Однако, как на грех, подвернулся ты, и мячик попал в тебя. Хотя я и недоволен случившимся, но пусть решает моя доченька. Как она захочет, так и будет.

Тут царевна поклонилась царю до земли и промолвила:

— Царь-батюшка! Вспомни поговорку: «Выйдешь замуж за петуха — слушайся петуха, выйдешь за пса — слушайся пса». Я поклялась и дала зарок выйти замуж за того, в кого попадет мячик. Перед тем как его кинуть, я помолилась духам Неба и Земли и положила на их выбор. Раз мячик попал в этого человека, оказавшегося праведным монахом, значит, мне было суждено выйти за него замуж еще в прошлом моем существовании. Как же я посмею воспротивиться судьбе и изменить ее решение? Хочу объявить его своим суженым.

Государь повеселел и дал распоряжение придворному предсказателю-звездочету определить по звездам день свадьбы. В то же время он повелел готовить приданое и оповестить всю страну о предстоящей свадьбе.

Танский наставник, слышавший все эти распоряжения, уже не благодарил больше за милости, а лишь молвил: «Помилуй! Пощади! Уволь меня!».

— Ну и бестолковый же ты, монах! — рассердился правитель. — Мы соизволили признать тебя женихом нашей дочери-царевны и обещаем тебе все наши богатства. Почему же ты не хочешь оставаться здесь и наслаждаться всеми благами? Зачем тебе идти за священными книгами? Если посмеешь еще хоть слово сказать, мы прикажем дворцовой страже вывести тебя вон и отрубить голову!

У Танского наставника от страха душа, как говорится, ушла в пятки. Отбивая земные поклоны, он дрожащим голосом обратился к государю со следующей просьбой:

— Я чувствительно признателен тебе, государь, за милость, равную небесной, которую ты оказываешь мне, — проговорил он. — Но вместе со мной на Запад идут еще мои ученики — их трое. Поскольку ныне ты принимаешь меня к себе в родню, мне хотелось бы дать им наказ. Умоляю тебя призвать их сюда и выдать им пропуск, чтобы они могли поскорей отправиться в путь и выполнить свой долг.

Государь внял его просьбе.

— Где же находятся твои спутники-ученики? — спросил он.

— На заезжем дворе при почтовой станции, — ответил СЮань-дзан.

Тотчас же был послан дворцовый нарочный, которому было велено призвать учеников праведного монаха, сообщить, что их наставник остается в столице в качестве супруга царевны, и выдать им пропуск, чтобы они могли следовать дальше на Запад. Пришлось Танскому монаху подняться на ноги и прислуживать государю как тестю. Обо всех этих событиях сложены стихи.

Чтобы свою не осквернить природу,
Трем правилам ты следовать обязан,
А если тяжкий подвиг не свершил ты,
То не ропщи, что злой судьбой наказан.
Путь Истины нам мудрецы открыли,
Его постичь от нас самих зависит.
Твори добро, а благостное Небо
Тебя и осчастливит и возвысит.
Смотри, чтоб шесть корней твоих отныне

В тебе желаний алчных не рождали,
Лишь непорочным чувствам дай дорогу,
Лишь в истинном живи первоначале.
Тогда покой ты обретишь душевный,
Где нет земных желаний и стремлений,
И лишь тогда наверняка избежнешь
Всех бесконечных перевоплощений.

О том, как нарочный прибыл в заезжий двор почтовой станции и призвал во дворец учеников Танского монаха, мы пока рассказывать не будем.

Обратимся к Сунь У-куну. Расставшись со своим наставником у расписной башенки, он отправился в заезжий двор, весело хихикая. Его встретили Чжу Ба-цзе и Ша-сэн.

— Братец, ты что так развеселился? — спросили они. — Почему с тобой нет наставника?

— Он предается радости и веселью, — ответил Сунь У-кун.

— Какая может быть радость, когда мы еще не поклонились Будде и не получили священных книг? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Вот слушай! Едва мы подошли с наставником к расписной башенке, установленной на самом перекрестке, как царевна кинула цветной мячик и попала прямо в нашего учителя. Его сразу же окружили дворцовые прислужницы, нарядные девы и придворные евнухи и подвели к башенке. Затем он сел в колесницу вместе с царевной и укатил во дворец, где его объявят женихом. Что же это такое, по-твоему, если не радость?

Эти слова вывели Чжу Ба-цзе из себя. Он начал топтать ногами и колотить себя в грудь.

— Я говорил, что мне надо с ним идти! — досадовал Дурень. — А все ты виноват, Ша-сэн! Если бы я был там, то сразу подскочил бы к башенке, мячик попал бы в меня, царевна признала бы меня женихом, и все было бы хорошо. У меня была бы кровля, жена, пошли бы дети... — размышлял Дурень.

— И не стыдно тебе? — закричал Ша-сэн, подскочив к Чжу Ба-цзе и мазнув его рукой по лицу. — Ишь ты морда! «Купил себе старого осла за три гроша и хвалится!». Да если бы в тебя попал мячик, всю ночь стали бы жечь бумагу с заклинаниями, чтобы отогнать черта, да еще сетовали бы, что поздно хватились. Кто же осмелится пустить в дом такую образину?

— Эх ты, чумазый! Ничего ты не понимаешь! — возразил Чжу Ба-цзе. — Что с того, что я безобразен? У меня есть свои достоинства! Еще в древности говорили: «У кого кожа толста, у того кость крепка», — у каждого свое!

— Полно тебе чепуху городить! — вмешался Сунь У-кун. — Собирай-ка лучше поклажу. Боюсь, что наставник наш забеспокоился и сейчас позовет нас. Надо быть готовыми отправиться во дворец и защищать его там.

— Братец! Ты что-то опять не то говоришь! — воскликнул Чжу Ба-цзе. — Для чего нужна твоя защита нашему наставнику? Он ведь стал женихом царевны, поселится с ней вместе и будет наслаждаться. Это не то, что карабкаться по горам, лазить по тропинкам да сражаться с оборотнями и злыми духами-марами! Он уже в летах и сам знает, что ему делать в брачной постели. Неужто ему понадобится твоя помощь?!

Сунь У-кун схватил Чжу Ба-цзе за ухо и, размахивая кулаком, заорал на него:

— Негодяй! Распутник несчастный! Совсем забылся! Ты как смеешь говорить подобные мерзости?!

В этот момент вдруг появился смотритель станции и сообщил:

— Сюда прибыл гонец нашего премудрого правителя и просит вас, преподобных монахов, последовать за ним!

— Для чего же нас приглашают? — удивился Чжу Ба-цзе.

— Ваш благочестивый наставник по счастливой случайности встретился с нашей царевной. В него попал ее мячик, и она признала вашего наставника своим женихом. Вот по этой причине сюда и прислан гонец, чтобы пригласить вас ко двору, — учтиво пояснил смотритель.

— Где же он, посланец правителя? — спросил Сунь У-кун. — Проси его сюда!

Посланец вошел, взглянул на Сунь У-куна и отвесил ему вежливый поклон. Когда взаимные приветствия были окончены, он опустил голову, боясь поднять глаза, и принялся бормотать:

— Может, черти?.. А может, дьяволы?.. Бог Грома? Якша?

— Гонец! — крикнул Сунь У-кун. — Ты что бормочешь? Если хочешь что сказать, говори прямо!

От этого окрика гонец так струхнул, что даже задрожал и поднял обеими руками жезл государя, свидетельствующий о высочайшем повелении. Выбивая дробь зубами, он начал говорить, с трудом связывая слова:

— Наша... царевна... Есть приглашение... пожаловать на помолвку. Царевна... наша... на помолвку... есть приглашение...

Чжу Ба-цзе решил успокоить его.

— У нас здесь нет орудий пыток, и мы не станем пытаться тебя! — сказал он. — И колотить тебя не будем! — добавил он. — Говори внятно и не бойся.

— Ужель ты думаешь, что он боится твоих побоев? Да он твоей морды испугался! — проговорил Сунь У-кун, обращаясь к Чжу Ба-цзе. — Ну-ка, живо собирайте поклажу и выводите коня, — приказал он. — Идемте к наставнику во дворец и обсудим наши дела!

Недаром сказано:

Трудно на узкой тропе разминуться

Тем, кто навстречу друг другу идет.

Тот, кто навязывает свою милость,

Тот, кто насильно любовь предлагает,

Только вражду на себя навлечет.

О том, что сказал правитель ученикам Танского наставника, вы узнаете из следующей главы.

<http://tl.rulate.ru/book/14623/289425>